

I

На затоптанном крыльце Морозовского окружного ревтрибунала примостился несчастный часовой. Он промок и голоден, он ждет смену.

— Степан, — обращается к нему знакомый пожилой казак, — закурить хочешь?

Закуривают.

— Степан, — продолжает знакомый, — теща у меня помирает...

Красноармеец молча курит.

— Теща, говорю, помирает, а я за батюшкой к тебе приехал. Отпусти на час. Ты мою тещу знаешь, сказала, без исповеди не умрет — значит, не умрет!

Красноармеец согласно кивает.

— А я тут тебе привез...

Проситель подает часовому кусок завернутого в чистую тряпку сала, каравай черного, с налипшими соломинками хлеба.

Часовой, прокашлявшись и приготовив отказ, вдруг говорит:

— Я бы, дядя Митяй, отпустил, а вдруг начальство?

— Какое начальство? — суетится казак. — Они на тачанке в Гнутово все покатали, сам видел. А если что — угостишь!

Булькнувшая бутылка решает дело. Степан, позвонив ключами, открывает дверь и кричит:

— Гражданин Николай Попов, на выход!

На крыльце появляется священник: крупный, седой, красивый, он чисто одет и абсолютно спокоен. В руке у него потертый докторский саквояж. Кивнув солдатику, которого он и крестил, и учил, батюшка отправляется исполнять что должно.

Оставшиеся арестанты замолкают. Старик, сидящий у входа, тихо говорит:

— Вернется? Вернется! — И, помолчав: — А я бы убежал!

Возможно, комиссары хотят, чтобы священник «убежал», чтобы сказать людям: «Вы верили ему! Он изменил и вам, и Богу!»

Но отец Николай возвращается. Отдает людям продукты. Коротко отвечает на вопросы.

— Что на воле, батюшка?

— Солнышко! Весна!

— Кого видел-то?

Священник перечисляет поклоны арестантам от родственников.

— Как старуха-то? Жива?

— Все в руках Божиих...

Если бы спросили о белых — красных, сказал бы об услышанной канонаде. Но не спросили. А сам батюшка не стал пугать уставших от неизвестности станчников.

Люди, ведомые им восемнадцать лет, которых он учит, лечит, которым служит, по-детски доверяют ему и зовут за глаза Харитонычем, по отцу. Ког-

да Харитоныч велит писать домой письма и раздает четвертушки бумаги, все пишут молча и старательно. Самым старым, неграмотным, пишут молодые. Вечером исповедуются и, так как делают это ежедневно, не задумываются, не спешат, да и куда в тюрьме спешить?

Сама тюрьма ревтрибунала — простой казачий дом с нетопленной печью да черной влажной соломой по углам, на соломе сидят и лежат казаки разных возрастов. Некогда беленые стены исписаны именами и датами.

Ночь проходит на редкость спокойно, без допросов. Кто может — спит. Кто не спит — слушает очередную беседу батюшки, он рассказывает о солнце, луне, звездах и планетах...

Наступившее утро выстраивает у окошка жен и матерей. К молодому красавцу Феде по очереди пришли три девушки с разных хуторов.

— Федьша! Ты им хоть бы дни разные назначал. Ведь столкнутся тут под окошком да подерутся!

— Что ж ты не женишься, Федя? Ведь и священник рядом, и кумпания наша готовая?

— Я тебе Клавку Мельникову советую!

Сидельцы, на время забыв, где они, ведут веселый разговор.

На его фоне тихо говорят отец Николай и жена его, Зинаида Георгиевна, о школе, письмах из Урюпинска от родных, о дочке Юле и не проходящем кашле, о сырых дровах и дымящей печи. Все как всегда, но при прощании муж указывает жене на песчаный карьер, отдает свое Евангелие — для сына Коли, письма для отца, целует ей руку. Все поняв, жена уходит от тюрьмы, унося прощальный завет: «Прошу, чтобы вы простили все своим врагам, простили и мою мученическую смерть...»

Последним посетителем отца Николая был запомнившийся всем старик: скорее монах, чем священник. Древний, с клюкой, но прямой. Не здешний.

О чем они говорили — неизвестно, да и подъехавший председатель ревтрибунала велел старика прогнать. Тот, уходя, благословил всех: батюшку, арестантов, охрану. Благословил и председателя...

Земной путь священномученика Николая Попова был окончен 26 марта 1919 года.

Через три месяца его нашли в братской могиле в Морозовских песках. Его и еще 200 человек палачи жестоко изрубили шашками.

Батюшку погребли за алтарной частью Иоанно-Богословского храма хутора Верхне-Гнутова при большом стечении народа.

Матушка с детьми уехала в родной Урюпинск.

Вскоре могилу и сам храм сравняли с землей.

II

В 1918 году Дуне Морозовой было 7 лет. Папаня ее погиб в германскую, мать была занята хозяйством, детьми и лежачей свекровью. А Дуня хотела учиться, да кто отпустит из дома помощницу?

Когда отец Николай остановил их после воскресной службы и спросил у мамы про школу, та стояла молча и смотрела в землю, а Петька, высунувшись из-за мамкиной спины, сказал: «У Дуняши обутки нету!» и опять спрятался.

Через несколько дней к ним в дом пришла жена священника — Зинаида Георгиевна, она принесла завершенные в грубую бумагу коричневые полусапожки на каблучке и с четырьмя пуговками сбоку. Маманя заплакала, потом заплакала гостья, а Дуня смотрела из-за печки и ждала, когда же они уйдут и можно будет подойти к сапожкам близко! Такого богатства у девочек не было никогда.

Мать отпустила ее в школу и позволила учиться петь в хоре при церкви. На хор с ней ходил вредный Петька, сам он не пел, только слушал. (Брат Петя погиб в 1941-м под Москвой, в единственном письме с фронта он писал, что ночью, если не стреляют, он слышит, как поет церковный хор.)

Дуняшино ученье было недолгим. Она помнила, как все шли за гробом убитого священника, как его хоронили и руками сыпали землю и как им, детям, трудно было подойти, так тесно стояли люди.

III

Незадолго до войны Дуня вышла замуж. В войну овдовела, старательно растила своих детей и осиротевших племянников. Как она говорила, «в люди возводила».

Каждый год перед Пасхой Евдокия Михеевна тайно ходила на то место, где стоял когда-то их Иоанно-Богословский храм, расчищала бурьян над могилкой отца Николая, шепотом молилась.

Когда ей исполнилось 95 лет, решила передать уход за местом внуку Николаю, но не пришлось. В хутор приехала Епархиальная комиссия по обретению мощей. Глава администрации привел приезжих к Евдокии Михеевне. Тщательно расспрашивала старая казачка этих людей, читала их документы и, поверив, рассказала им всю эту историю, отвела на пустырь и точно указала место.

Рака с мощами священномученика Николая Попова находится в Свято-Духовом монастыре Волгограда, часть мощей — в Урюпинском Покровском кафедральном соборе, а память об этих людях — она везде:

в сердцах потомков, которые живут в Новочеркасске и Урюпинске, учат, лечат, служат и хранят письма своего святого предка. Память в Верхне-Гнутае: о верном

пастыре Христове и милосердной женщине Евдокии Михеевне, память в моем сердце, а теперь и в вашем.

г. Михайловка, Волгоградская область

